

A close-up photograph showing the hands and forearms of several people gathered in a circle. The hands are clenched into fists, and the forearms are visible, some with tattoos and jewelry like bracelets. The background is dark, and the overall mood is one of solidarity and strength.

Полина Закалина

Сильные люди

Полина Закалина

Сильные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73269943

SelfPub; 2026

Аннотация

Они собрались после отбоя, нарушив все правила. Семеро незнакомцев в тесной комнате, где пахнет морем и сыростью. У каждого – причина быть здесь. И причина молчать.

Один держит в руках потрёпанного плюшевого тигра. Правило простое: говори только ты. Говори всё. Или ничего.

Тишина становится густой, как смола. Первый делает вдох – и взрывает её признанием, от которого леденеет кровь. Второй подхватывает. Третий. За стенами шумит океан, а в комнате разливается море человеческой боли – бездонное, тёмное, настоящее.

Они пришли сюда чужими. Но к утру поймут, что связывает людей сильнее любой дружбы. И что самое страшное – это не рассказать свою историю. А рассказать – и быть услышанным.

Это не история о боли. Это история о том, что происходит после. Когда в темноте кто-то находит твою руку и шепчет: «Я тоже». И этого оказывается достаточно.

Полина Закалина

Сильные люди

В жизни есть пронзительные, переломные моменты, которые меняют нас и наше отношение к людям и к жизни в целом. Эти моменты заставляют нас задаваться мучительными, вечными вопросами и задумываться о жизни в целом.

Ночь. ВДЦ Океан. Дружина «Тигрёнок». Кубрик под номером пять, комната три.

Свет в корпусах дружины «Тигрёнок» погас ровно в одиннадцать. Территория ВДЦ «Океан» погрузилась в глубокий, безмолвный сон. Белые кубрики-домики с отдельными входами стояли тёмными, безглазыми коробками.

Внутри кубрика 5/3 было непроглядно темно и невероятно тесно. Комната была маленькой, прямоугольной, казённой, рассчитанной от силы на четверых. Любой посторонний, заглянувший сюда через полчаса, оторопел бы – никто и подумать не мог обнаружить в этой крохотной, душной каморке столько ребят. Стены, оббитые серой, обшарпанной штукатуркой, отслаивались лепешками от вечной, продуктовой влажности. В неровном пятне-выбоине кто-то с богатой фантазией когда-то разглядел нечто, отдалённо напоминающее профиль Ленина, и теперь это было их тайной, никчемной достопримечательностью. С одной стороны стены вприпрыжку стояли две двухъярусные, железные, вечно скрипящие

кровати. Застелены они были казёнными, зелёными, вечно слегка влажными накидками – как и всё постельное бельё в этом корпусе. Смириться с этим прохладным, липким ощущением было делом привычки – что поделаешь, если за окном вечно дышал и шумел океан. Напротив, у другой стены, теснились узкие шкафчики из белого, вздувшегося от сырости дерева, поверхность которых пошла волнами и горбами, словно старая кожа. Дверь в кубрик была лёгкой, пластиковой, с непослушным, сломанным замком. К счастью, все собравшиеся уже давно научились ловко, с характерным щелчком и подворотом справляться с этой вредной, норвящей захлопнуться дверцей.

На нижней кровати у окна, чуть в стороне от центра комнаты, лежала Лена из Иркутска – высокая, худощавая, с собранными в тугой, неумолимый узел пепельными волосами. Её лицо в свете уличного фонаря, пробивавшегося сквозь стекло, казалось вырезанным из льда – спокойным и непроницаемым, почти неживым. Она была тем, кого в отряде уважительно звали «Снайпер» за меткие, немногословные, леденящие реплики. Она нащупала в темноте телефон и в общем чате отправила сообщение: просто цифры «5/3» и значок ночи.

Первым, минут через десять, отозвался Максим из Нижнего Новгорода. Щелчок замка, скрип двери. —Ты тут? – прогрохотал его низкий, намеренно приглушённый, доверительный бас. —Тут. Заходи, быстро.

Он вошёл, заполнив собой дверной проём. Коренастый, несокрушимый, с широченными плечами и коротко стриженной щетиной на голове, он был ходячей, непробиваемой крепостью. Даже его пижама – простые серые штаны и чёрная футболка – сидела на нём, как тренировочная форма. Он сел на вечно невымытый, прохладный линолеум, прислонившись к вздувшемуся шкафу. —С Матвеем из шестого кубрика чуть не столкнулся. Гулял, наверное. —Не разговорился? —Нет. Я как ниндзя, – Максим хмыкнул, и его квадратная челюсть напряглась в подобии короткой, скупой улыбки. – Только ниндзя в спортивных штанах и с фонариком в телефоне.

Следующей пришла Катя из Екатеринбурга. Она постукала еле слышно, тайно – три коротких стука. Когда Лена выпустила её, в щель проскользнула лёгкая, почти невесомая тень: маленькая, почти детская фигурка в огромной розовой толстовке с ушами от костюма кимоно. Лицо, бледное, полупрозрачное и огромноглазое, как у аниме-персонажа, выглядывало из-под капюшона. Она сразу села в самый тёмный угол, у шкафа, и казалось, пыталась в него вжаться, раствориться. —Всё нормально? – тихо спросила Лена. Катя кивнула, и её тонкие плечи дёрнулись в одном быстром, нервном движении. – Просто с соседкой поссорилась. Она говорит, я по ночам скриплю зубами. Как бульдозер. —Может, это ты ей снишься, как бульдозер? – предположил Максим. —Возможно, – пискнула, прошелестела Катя, и её голосок был

таким же лёгким и хрупким, колокольным, как она сама.

Потом пришёл Артём из Махачкалы. Он вошёл не крадучись, а уверенно, властно, как хозяин. Стройный, подтянутый, отточенный, в идеально чистых чёрных трениках и белой футболке. Его тёмные, пронзительные, чуть раскосые глаза моментально оценили обстановку, а острый, с горбинкой нос, казалось, уловил малейший запах фальши. Он молча кивнул и поставил на пол пакет яблок. —Из столовой. Наглость – второе счастье, – сказал он с лёгким, едва уловимым кавказским акцентом, в котором чувствовалась привычная, железная привычка к точным формулировкам. Устроился в кругу, заняв своё место.

Затем – Даша из Перми. Она вошла, чуть ссутулившись, как будто невидимый, тяжкий рюкзак вечной усталости тянул её плечи вниз. На её милом, добром, круглом лице с веснушками и тёплыми карими глазами уже в шестнадцать лежала тонкая, но глубокая сеть забот – не старящая, а делающая её серьёзной, повзрослевшей не по годам. На ней были простые спортивные штаны и поношенная, но чистая, уютная кофта. – О, яблоки! А то у меня уже желудок на ужин обиделся. – И она, с лёгким вздохом, опустилась на пол рядом с Артёмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.